research article / научная статья
УДК: 327
EDN: TDWKIV
DOI: 10.48612/rg/RGW.29.3.6

Научная специальность ВАК:
5.5.1. История и теория политики

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License (Cc By-Nc 4.0)
This work is licensed under Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License (Cc By-Nc 4.0)

Институциональные механизмы регулирования китайско-казахстанских отношений

Лу Фэн ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ lu.f@edu.spbstu.ru

Аннотация

Введение. Асимметрия экономических ресурсов Китая и Казахстана не предопределяет односторонний характер двусторонних отношений. Практические условия движения капитала, труда и товаров формируются через национальное законодательство, межгосударственные соглашения и административные процедуры. Цель исследования выявить политико-институциональные механизмы, посредством которых государственное регулирование Казахстана структурирует экономические отношения с Китаем и сохраняет регуляторную субъектность принимающего государства.

Методы и материалы. Использованы институциональный и проблемно-хронологический подходы, сравнительный анализ официальной статистики и критическое сопоставление нормативных источников. Эмпирическую базу составили законодательство Казахстана, двусторонние инвестиционные документы, данные о прямых инвестициях, торговле и иностранной занятости, а также материалы о допуске казахстанской аграрной продукции на китайский рынок.

Результаты. Предложено понятие «институциональный фильтр экономических отношений», объединяющее четыре режима государственного регулирования: инвестиционно-правовой, трудовой, статистико-таможенный и санитарно-рыночный. Показано, что подписанные инвестиционные документы нельзя отождествлять с фактически осуществленными инвестициями; различия казахстанской и китайской торговой статистики требуют раздельного учета; разрешительный режим иностранной занятости имеет общенациональный, а не антикитайский характер; санитарные протоколы одновременно ограничивают и открывают доступ к рынку.

Обсуждение. Полученные результаты уточняют макроуровневые исследования многовекторности и асимметрии и демонстрируют, что пространство политического маневра зависит от повседневных административных институтов.

Заключение. Государственное регулирование не устраняет ресурсную асимметрию, но переводит ее последствия в формализованные процедуры. Регуляторная субъектность Казахстана проявляется не в автономии от китайского капитала и рынка, а в способности задавать условия реализации проектов, занятости и экспорта. Результаты исследования могут быть полезны для понимания процессов взаимодействия государств в Центральной Азии в

рамках прикладных исследований общего регионоведения, практики и теории политологических дискурсов.

Ключевые слова: Казахстан; Китай; государственное регулирование; инвестиционная политика; институциональный подход; трудовая миграция; доступ к рынку; регуляторная субъектность

Для цитирования: Лу Фэн. Институциональные механизмы регулирования китайско-казахстанских отношений // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 3. С. 101–113. https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.3.6. EDN: TDWKIV.

© Лу Фэн, 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Institutional Mechanisms for Regulating Chinese–Kazakhstan Relations

Feng Lu ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ lu.f@edu.spbstu.ru

Abstract

Introduction. The asymmetry of economic resources between China and Kazakhstan does not predetermine a one-sided bilateral relationship. National legislation, interstate agreements, and administrative procedures shape the practical conditions under which capital, labour, and goods move across the border. The aim of the study is to identify the political and institutional mechanisms through which Kazakhstan's state regulation structures economic relations with China and preserves the host state's regulatory agency.

Methods and Materials. The study combines institutional and problem-oriented chronological approaches with comparative analysis of official statistics and critical cross-checking of regulatory sources. The empirical base includes Kazakhstan's legislation, bilateral investment instruments, official data on foreign direct investment, trade and foreign employment, and documents governing Kazakhstani agricultural access to the Chinese market.

Results. The article introduces the concept of an "institutional filter of economic relations", which combines four modes of state regulation: investment-law, labour, customs-statistical, and sanitary-market access. The findings show that announced commercial agreements cannot be treated as realized investment; Kazakhstani and Chinese trade statistics must be reported separately; the foreign-labour permit regime is nationwide rather than China-specific; and sanitary protocols simultaneously constrain trade and create legally recognized market access.

Discussion. The results refine macro-level studies of multi-vector foreign policy and asymmetry by showing that room for political manoeuvre also depends on routine administrative institutions.

Conclusions. State regulation does not remove resource asymmetry; it translates its practical consequences into formal procedures. Kazakhstan's regulatory agency lies not in autonomy from Chinese capital and markets, but in its capacity to set implementation conditions for investment, employment, and exports. The findings may be useful for understanding interstate interaction in Central Asia within applied regional studies and contemporary political-economy research.

Keywords: Kazakhstan; China; state regulation; investment policy; institutional approach; labour migration; market access; regulatory agency

For citation: Lu Feng. Institutional Mechanisms for Regulating China–Kazakhstan Relations. *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 3. P. 101–113. https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.3.6. EDN: TDWKIV.

© Lu Feng, 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Институциональные механизмы регулирования экономики представляют собой совокупность формальных законов и неформальных правил, которые государство применяет как инструмент политического управления. Целью их использования является контроль над ресурсами, подавление оппозиции и поддержка лояльного бизнеса. В реальности политических действий экономические правила редко остаются нейтральными. Государства могут манипулировать налогами, лицензиями и рыночными и таможенными требованиями для достижения своих политических целей.

За три последние десятилетия экономические отношения Казахстана и Китая вышли за пределы приграничной торговли и сырьевого обмена. К энергетическим проектам добавились транспортные коридоры, промышленные производства, инвестиционные механизмы и новые каналы экспорта. После выдвижения в Астане в 2013 г. инициативы Экономического пояса Шелкового пути двустороннее взаимодействие стало одним из ключевых элементов китайской политики в Центральной Азии. Однако рост товарооборота и инвестиционных потоков сам по себе не объясняет, кто определяет условия доступа капитала к национальному рынку, каким образом регулируется иностранная занятость, почему отдельные товарные категории получают допуск на китайский рынок и почему крупные пакеты подписанных документов не способствуют автоматически росту сопоставимого объема фактически вложенному капиталу.

Современные исследователи постепенно сместили внимание от простой констатации экономического превосходства Китая к вопросу о субъектности Казахстана. Л. Тжиа показывает, что многовекторная политика, географическое положение и собственные инструменты промышленного развития создают для Казахстана переговорный ресурс даже в отношениях с существенно более сильным партнером [1]. Г. Лим, Л. Тжиа и Н. Мурашкин, анализируя торговые связи до и после 2013 г., подчеркивают сохранение Казахстаном альтернативных внешнеэкономических направлений и отсутствие полной торговой зависимости от китайского рынка [2]. Л.-Ч. Сима и Ф. Аминджонов рассматривают центральноазиатскую практику управления отношениями с КНР через стратегию hedging и показывают, что структурная асимметрия совместима с попытками меньших государств сохранять пространство выбора [3].

Политическое измерение той же проблемы раскрывается в исследованиях регионального балансирования. С. Кондапалли связывает устойчивость казахстанско-китайских отношений с многовекторностью и стремлением не допустить монополизации регионального влияния одним внешним центром [4]. Казахстанские исследователи К.М. Батырбаев, Е.Л. Нечаева и Р.Т. Байгондин подчеркивают взаимосвязь торговли, инфраструктуры, реформ и национальных интересов в развитии двустороннего сотрудничества [5]. В работах М. Сарыбаева и Ч. Лай инвестиционные проекты рассматриваются через сочетание экономических возможностей, правовой среды и геополитических ограничений [6], а Н. Джепсон и О. Балдакова показывают, что китайский государственный капитал в Казахстане способен адаптироваться к требованиям принимающей стороны по локализации и промышленной политике, но результат зависит от типа контракта, состава участников и внутренних институциональных возможностей [7].

Исследования А.Г. Битабаровой и Ж. Кембаева позволяют восстановить более длительную логику отношений: Казахстан не является лишь территорией реализации внешней инициативы, а стремится сопрягать китайские проекты с собственной инфраструктурной и внешнеэкономической повесткой [8; 9]. Вместе с тем в существующей литературе макроуровневая субъектность отражает многовекторность, балансирование; диверсификация изучена лучше, чем административные механизмы, через которые она реализуется в конкретных экономических операциях. Именно это связующее звено составляет исследовательский разрыв в настоящей статье.

Научная новизна состоит в определении операционной регуляторной субъектности Казахстана через анализ четырех групп институтов: инвестиционно-правовых правил, разрешительной системы иностранной занятости, таможенно-статистического администрирования и межведомственных санитарных протоколов. Для объединения этих механизмов предлагается понятие «институциональный фильтр экономических отношений». Под этим понимается совокупность национальных норм и межгосударственных процедур, переводящих внешний экономический интерес в юридически и административно допустимую форму. Цель исследования: установить, каким образом государственное регулирование Казахстана одновременно открывает каналы сотрудничества с Китаем и задает пределы их практической реализации.

Представленные результаты соответствуют оценкам современных политических стратегий в рамках концептуальных оснований международных отношений и мировой политики, а также современным направлениям политической экономии[1].

Методы и материалы

Исследование сочетает институциональный и проблемно-хронологический подходы. Институциональный подход позволяет рассматривать законодательство, межправительственные соглашения, разрешения, квоты и санитарные протоколы как правила, изменяющие набор доступных действий для государства и бизнеса. В логике Д. Норта институты снижают неопределенность и структурируют взаимодействие, связывая формальные нормы с устойчивыми практиками [10]. Концепция взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Ная используется ограниченно как инструмент для разграничения взаимной чувствительности и асимметрии возможностей [11]. Международная политическая экономия согласно работам С. Стрэнджа позволяет дополнительно учитывать способность государства распределять доступ к рынкам, капиталу и инфраструктуре [12].

Проблемно-хронологический подход необходим для сопоставления этапов регулирования: от формирования базовой договорно-правовой среды к дифференцированному управлению инвестициями, занятостью, статистическим учетом и доступом к рынкам. При интерпретации многовекторности учитывается положение о том, что участие Казахстана в нескольких институциональных контурах

[1] Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093 (с изменениями на 24 июля 2023 года) : приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 г. № 118 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: https://clck.ru/3UMbaB (дата обращения 24.06.2026).

одновременно создает ограничения и дополнительные инструменты внешнеэкономического маневра [13].

Эмпирическую базу исследования составили: Предпринимательский кодекс Республики Казахстан[2]; документы о подписании и ратификации нового казахстанско-китайского соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций[3]; официальные материалы о торгово-экономическом сотрудничестве Казахстана и Китая[4]; данные о квотах и структуре привлечения иностранной рабочей силы[5]; материалы о допуске казахстанской сельскохозяйственной продукции на рынок КНР[6]. Числовые показатели используются с обязательным указанием категории и происхождения: валовой приток прямых иностранных инвестиций не смешивается с накопленным запасом инвестиций или заявленной стоимостью коммерческих соглашений, а при расхождении казахстанской и китайской торговой статистики приводятся обе оценки.

Результаты

1. Инвестиционная открытость и государственный контроль

Правовой режим Казахстана сочетает поддержку предпринимательства с сохранением публичного контроля. Предпринимательский кодекс закрепляет одновременно создание благоприятных условий для предпринимательства и инвестиций и защиту национальной безопасности, прав и законных интересов государства и общества. Это принципиально для интерпретации китайского капитала: инвестор из КНР действует не в автономном «китайском» режиме, а в рамках общего национального права; межправительственная поддержка крупного проекта дополняет, но не отменяет внутренние процедуры[7].

---

[2] Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 г. № 375-V ЗРК // «Әділет». Национальная цифровая правовая система: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375 (дата обращения: 28.08.2026).

[3] О подписании Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций: постановление Правительства Республики Казахстан от 13 июня 2025 г. № 434 // «Әділет». Национальная цифровая правовая система: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000434; О ратификации Соглашения: Закон Республики Казахстан от 19 мая 2026 г. № 293-VIII ЗРК // «Әділет». Национальная цифровая правовая система: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2600000293 (дата обращения: 28.08.2026).

[4] Торгово-экономическое сотрудничество // Посольство Республики Казахстан в Китайской Народной Республике: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-beijing/press/article/details/48726; Расширение торгово-экономических связей и укрепление стратегического партнёрства Казахстана и Китая обсуждены в Пекине // Министерство иностранных дел Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/region-news/details/28339?lang=ru (дата обращения: 28.08.2026).

[5] Квота на привлечение иностранных работников в 2025 году составила 0,2% от численности рабочей силы в Казахстане // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/914217?lang=ru; Квота на привлечение иностранных работников в 2026 году составит 0,25% от численности рабочей силы в Казахстане // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1134894?lang=ru (дата обращения: 28.08.2026).

[6] Казахстан увеличил экспорт агропродукции в Китай на 82,4% // Министерство сельского хозяйства Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/moa/press/news/details/1224873?lang=ru (дата обращения: 28.08.2026).

[7] О подписании Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций: постановление

Масштаб ресурсной асимметрии виден в официальных данных. По сведениям Национального банка Казахстана, приведенным дипломатической службой республики, валовой приток прямых инвестиций из КНР в Казахстан за 2005–2024 гг. составил 26,42 млрд долл. США, тогда как встречный поток Казахстана в Китай 872,2 млн долл.; в 2024 г. приток китайских прямых инвестиций составил 1,19 млрд долл. Эти показатели фиксируют различие экономического присутствия, но не доказывают автоматического преобразования финансового превосходства в политический контроль. Для такого вывода необходимо анализировать правила допуска, защиты и реализации конкретных инвестиций[8].

Характерным примером институционального обновления стало новое соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций. Оно подписано в Астане 16 июня 2025 г. и ратифицировано Казахстаном законом от 19 мая 2026 г. № 293-VIII ЗРК. При этом юридически некорректно утверждать, что соглашение 1992 г. уже безусловно заменено новым документом: согласно статье 39, новый договор вступает в силу через 30 дней после получения последнего дипломатического уведомления о выполнении сторонами внутренних процедур, и только с этой даты прекращает действие соглашение 1992 г. Эта переходная конструкция сама по себе показывает значение государства: углубление инвестиционных связей сопровождается не ослаблением правил, а их обновлением и усложнением[9].

Содержательно новый договор закрепляет национальный режим и режим наибольшего благоприятствования, одновременно сохраняя исключения для несоответствующих мер и пространство национального регулирования. Поэтому правовая защита инвестора и регуляторная субъектность принимающего государства не являются взаимоисключающими. Предсказуемость режима снижает транзакционные риски, но конкретные права инвестора реализуются в рамках национального законодательства и оговоренных договором исключений.

2. Заявленные соглашения и фактически реализованные инвестиции

В публичном описании китайско-казахстанского инвестиционного сотрудничества часто смешиваются стоимость подписанных документов и объем реально поступившего капитала. На Втором форуме индустриального и инвестиционного сотрудничества «Центральная Азия – Китай» 16 июня 2025 г. казахстанские и китайские компании подписали 58 коммерческих документов на сумму свыше 24 млрд долл. США. Сам по себе этот показатель характеризует

Правительства Республики Казахстан от 13 июня 2025 г. № 434 // «Әділет». Национальная цифровая правовая система: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2500000434 (дата обращения: 27.08.2026); О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций: Закон Республики Казахстан от 19 мая 2026 г. № 293-VIII ЗРК // «Әділет». Национальная цифровая правовая система: [сайт]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2600000293 (дата обращения: 27.08.2026).

[8] Казахстан и Китай подписали 58 коммерческих документов на сумму свыше 24 млрд долл. США. 16.06.2025. // KAZAKH INVEST: [сайт]. URL: https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/kazakhstan-and-china-signed-58-commercial-documents-worth-over-24-billion/ (дата обращения: 27.08.2026).

[9] Расширение торгово-экономических связей и укрепление стратегического партнёрства Казахстана и Китая обсуждены в Пекине // Министерство иностранных дел Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/region-news/details/28339?lang=ru (дата обращения: 27.08.2026).

масштаб деловых намерений и политическую насыщенность повестки, но объединяет документы различной юридической силы: инвестиционные соглашения, контракты, меморандумы и рамочные договоренности[10].

Для политико-институционального анализа важнее не суммарная заявленная стоимость пакета, а то, какие национальные цели закрепляются в конкретных проектах. Официальные материалы 2025 г. выделяют: глубокую переработку сельскохозяйственного сырья, текстильный кластер, производство энергетического оборудования, промышленную локализацию и создание рабочих мест. Такие приоритеты соответствуют стремлению Казахстана использовать внешний капитал для увеличения добавленной стоимости внутри страны. Однако переход от политической цели к структурному результату может быть подтвержден только после ввода мощностей, фактического финансирования, создания занятости и появления устойчивого выпуска.

Этот вывод согласуется с наблюдениями М. Сарыбаева и Ч. Лай о зависимости результатов китайских инвестиционных проектов от правовой и рыночной среды [6], а также с выводами Н. Джепсона и О. Балдаковой: готовность китайского государственного капитала учитывать приоритеты принимающей стороны варьируется в зависимости от структуры сделки, участников и локальных институциональных возможностей [7]. Следовательно, регуляторная задача Казахстана состоит не в максимизации номинального объема подписанных соглашений, а в переводе инвестиционных намерений в проекты, соответствующие промышленной, трудовой и экспортной политике.

3. Расхождения торговой статистики как институциональная проблема

Торговая статистика демонстрирует другой тип институционального фильтра и правила измерения самой экономической связи. По данным Комитета государственных доходов Министерства финансов Казахстана, в 2025 г. товарооборот Казахстана и Китая составил 34,1 млрд долл. США: казахстанский экспорт – 15,2 млрд, импорт – 18,9 млрд. Главное таможенное управление КНР за тот же год оценило двусторонний товарооборот в 48,7 млрд долл., экспорт Казахстана в Китай – в 19 млрд, а китайский экспорт в Казахстан – в 29,7 млрд долл. Разрыв между общими оценками составляет 14,6 млрд долл[11].

Такое расхождение нельзя устранять выбором «более правильной» или политически удобной цифры. Международная литература по зеркальной статистике показывает, что расхождения могут возникать из-за различий в определении страны происхождения и назначения, учета реэкспорта, стоимостной базы CIF/FOB, временных лагов и структуры посреднических цепочек. Новое исследование С.

[10] Расширение торгово-экономических связей и укрепление стратегического партнёрства Казахстана и Китая обсуждены в Пекине // Министерство иностранных дел Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/region-news/details/28339?lang=ru (дата обращения: 27.08.2026).

[11] Квота на привлечение иностранных работников в 2025 году составила 0,2% от численности рабочей силы в Казахстане // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/914217?lang=ru (дата обращения: 27.08.2026); более 14,6 тыс. иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность в Казахстане // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1094704?lang=ru (дата обращения: 27.08.2026).

Голованової, А. Родичева и Ю. Зинякова на глобальных данных за 2003–2024 гг. дополнительно показывает, что после 2019 г. расхождения в торговой статистике выросли на фоне внешних шоков и усложнения цепочек поставок [14].

Для китайско-казахстанского случая это означает методологическое ограничение: торговый оборот должен сопровождаться указанием национальной статистической системы, а динамические сравнения желательно строить внутри одного источника. Статистическая система тем самым становится не нейтральным техническим фоном, а институтом, который задает наблюдаемую картину двусторонней торговли. Этот вывод особенно важен после 2022 г., когда роль транзита, реэкспорта и изменения логистических маршрутов на евразийском пространстве возросла.

4. Иностранная рабочая сила: общий режим и китайский фактор

Использование иностранной рабочей силы является политически чувствительным элементом крупных инвестиционных проектов. Однако нормативный режим необходимо отделять от общественных представлений о «китайской квоте». Казахстан устанавливает общую квоту на привлечение иностранной рабочей силы по потребностям работодателей, а не отдельный национальный лимит для граждан КНР. В 2025 г. исходная квота составляла 0,2% численности рабочей силы, затем в связи с региональными заявками и расширением перечня сезонных профессий корректировалась; с августа она была установлена на уровне 0,25%, или 19,4 тыс. единиц. Динамика квоты показывает, что инструмент одновременно выполняет защитную и адаптационную функцию[12].

По итогам 2025 г. по разрешениям местных исполнительных органов в Казахстане работали 14 210 иностранных граждан. Крупнейшей страной происхождения был Китай (6 090 человек). При этом у работодателей, использовавших иностранную рабочую силу, трудились более 323,3 тыс. граждан Казахстана, или 96% персонала. Эти данные позволяют сформулировать более точный вывод. Китайский фактор объективно значим из-за высокой доли граждан КНР среди разрешенной иностранной занятости, но правовой механизм остается общенациональным[13]

На 2026 г. общая квота вновь установлена в размере 0,25% численности рабочей силы. Следовательно, государство не закрывает доступ внешней квалификации, а переводит его в разрешительный режим, распределяя объемы по категориям и регионам. В политическом плане этот институт связывает внешнюю инвестиционную политику с внутренней задачей защиты рынка труда. Он также повышает требования к локализации занятости: чем масштабнее иностранный проект, тем существеннее

[12] Квота на привлечение иностранных работников в 2025 году составила 0,2% от численности рабочей силы в Казахстане // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/914217?lang=ru (дата обращения: 29.08.2026); более 14,6 тыс. иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность в Казахстане // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1094704?lang=ru (дата обращения: 29.08.2026).

[13] Более 14,2 тыс. иностранных граждан осуществляли трудовую деятельность в Казахстане в 2025 году // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1149400?lang=ru (дата обращения: 29.08.2026).

вопрос о соотношении привлеченных специалистов и рабочих мест, создаваемых для граждан Казахстана[14]

5. Государственное посредничество в доступе к китайскому рынку

Регуляторная субъектность проявляется не только в ограничениях для внешнего капитала и труда. Государство способно выступать посредником, расширяющим возможности национального бизнеса на иностранном рынке. В агропродовольственном секторе наличие спроса и конкурентоспособного производителя недостаточно для экспорта в КНР: требуется межведомственное согласование ветеринарных, санитарных и фитосанитарных условий, инспекции и включение предприятий в китайские реестры.

К 2026 г. Казахстан и Китай согласовали протоколы по экспорту 34 видов сельскохозяйственной продукции, из которых 21 категории растениеводческой и 13 категориям животноводческой продукции. По итогам 2025 г. казахстанский аграрный экспорт в Китай вырос на 35,3% и достиг 1,43 млрд долл. США; за январь–март 2026 г. он увеличился еще на 82,4% и достиг 550 млн долл. Здесь государственное регулирование работает иначе, чем в трудовой сфере: санитарная норма сначала выступает условием доступа, а после межгосударственного согласования превращается в юридически признанный канал выхода на рынок[15].

Этот механизм дополняет выводы казахстанских исследователей о том, что расширение торговли зависит не только от комплементарности экономик, но и от развития институциональных условий сотрудничества [5]. Частный производитель не может самостоятельно заменить межведомственный протокол. Государственные органы становятся переговорщиками, организуют подтверждение соответствия и закрепляют допустимые категории поставок. Поэтому анализ внешней торговли исключительно через спрос, предложение и товарооборот недооценивает роль политико-административного посредничества.

6. Институциональный фильтр экономических отношений

Сопоставление рассмотренных механизмов позволяет уточнить предложенное понятие институционального фильтра. Он не представляет собой единую систему «поддержки» или «сдерживания» Китая. В инвестиционной сфере фильтр сочетает гарантии инвестору с национальными правилами допуска и реализации проектов. В сфере занятости он разрешает использование внешней квалификации, одновременно ограничивая ее общими квотами и разрешительными процедурами. В торговой статистике он задает правила измерения потоков и тем самым ограничивает допустимую точность политических выводов. В аграрном экспорте межведомственные нормы не только ограничивают, но и создают формальный доступ к китайскому рынку.

[14] Квота на привлечение иностранных работников в 2026 году составит 0,25% от численности рабочей силы в Казахстане // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1134894?lang=ru (дата обращения: 29.08.2026).

[15] Казахстан увеличил экспорт агропродукции в Китай на 82,4% // Министерство сельского хозяйства Республики Казахстан: [сайт]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/moa/press/news/details/1224873?lang=ru (дата обращения: 27.08.2026).

Общей является функция преобразования политически желательного сотрудничества в конкретную административную форму. Стратегическое партнерство может создавать благоприятную рамку, но не заменяет национального законодательства, ведомственных решений и процедур исполнения. Именно на этом уровне ресурсная асимметрия приобретает практическое содержание: более сильный партнер располагает большим объемом капитала и рынка, однако принимающее государство сохраняет возможность определять часть правил, через которые эти ресурсы входят в национальную экономику.

Обсуждение

Полученные результаты развивают два направления существующей дискуссии. Первое связано с многовекторностью и переговорным ресурсом Казахстана. Л. Тжиа показывает, что транзитное положение и национальная промышленная политика способны усиливать позицию Казахстана в китайских инфраструктурных проектах [1]. Л.-Ч. Сима и Ф. Аминджонов аналогично обращают внимание на попытки центральноазиатских государств управлять асимметрией через hedging [3]. Настоящее исследование переносит эту логику с уровня внешнеполитической стратегии на уровень конкретных административных механизмов. Регуляторная субъектность становится наблюдаемой там, где государство устанавливает правила допуска капитала, занятости и товаров.

Второе направление связано с вопросом о качестве китайского экономического присутствия. Н. Джепсон и О. Балдакова показывают, что китайский государственный капитал может учитывать цели принимающей стороны по переработке и локализации, но такая адаптация не является автоматической [7]. Результаты настоящего исследования подтверждают этот вывод и уточняют механизм: национальные приоритеты получают практическое значение только тогда, когда закреплены в инвестиционном праве, разрешениях, контрактных условиях, правилах занятости и процедурах доступа к рынкам.

Таким образом, понятие «институциональный фильтр» отличается от концепции зависимости. Оно не отвечает на вопрос, какая сторона «зависит сильнее», а показывает, через какие правила материальное неравенство превращается в конкретные права, обязанности и ограничения. Концепция взаимозависимости сохраняет аналитическую ценность для описания чувствительности и асимметрии [11], однако термин не используется здесь как итоговая характеристика китайско-казахстанской модели. Для данной статьи точнее говорить об асимметричных экономических отношениях, внутри которых Казахстан сохраняет ограниченную регуляторную субъектность.

По сравнению с предыдущей публикацией автора, где основное внимание уделялось динамике экономических отношений Китая и Казахстана в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [15], в настоящем исследовании предмет сознательно сужен до механизмов государственного регулирования. Это уменьшает риск подмены политико-институционального анализа описанием товарооборота и позволяет отделить макроэкономический масштаб сотрудничества от правил его реализации.

Исследование имеет ограничения. Во-первых, значительная часть эмпирической базы представлена официальными государственными источниками, поэтому выводы о

фактическом исполнении норм требуют дальнейшей проверки на уровне отдельных предприятий и проектов. Во-вторых, статья не строит причинную эконометрическую модель и не предлагает интегральный индекс регуляторной субъектности. В-третьих, данные о подписанных проектах фиксируют политико-деловые намерения быстрее, чем появляются сопоставимые показатели их фактической реализации. Поэтому перспективным направлением является проектный анализ, что предполагает сопоставление заявленной и освоенной суммы инвестиций, доли местной занятости, локализации производства и устойчивости экспортных каналов.

Заключение

Государственное регулирование является внутренним институциональным элементом китайско-казахстанских экономических отношений, а не внешним ограничением уже сложившегося рынка. Национальное право, двусторонние инвестиционные договоренности, трудовые разрешения, таможенно-статистические процедуры и санитарные протоколы определяют, какие формы сотрудничества получают юридическое закрепление и на каких условиях они реализуются.

Первый вывод состоит в том, что ресурсная асимметрия не отменяет регуляторную субъектность Казахстана. Обновление инвестиционного соглашения в 2025–2026 гг. показывает стремление одновременно повысить предсказуемость защиты инвестора и сохранить национальное нормативное пространство.

Второй вывод: публично объявленная стоимость коммерческих документов не равна фактически поступившим прямым инвестициям; политическая оценка проекта должна учитывать его юридический статус и стадию исполнения.

Третий вывод связан с измерением объёмов торговли. Расхождение казахстанской и китайской статистики за 2025 г. достигает 14,6 млрд долл. США, поэтому корректный анализ требует раздельного указания источника и отказа от недифференцированного единственного показателя.

Следующий вывод касается иностранной занятости: высокая доля граждан КНР среди иностранных работников делает китайский фактор политически заметным, но квотирование остается общенациональным инструментом регулирования рынка труда, а не специальным ограничением китайских проектов.

Последний вывод показывает стимулирующую сторону государственного регулирования. Межведомственные санитарные и ветеринарные протоколы создают формальный канал доступа казахстанской продукции на китайский рынок; в этом случае государство выступает не ограничителем, а институциональным посредником национального экспорта.

Совокупность этих механизмов позволяет определить государственное регулирование как институциональный фильтр экономических отношений. Его функция заключается в переводе внешнеэкономического интереса в права, стандарты, разрешения и ограничения. Такой ракурс объясняет, каким образом Казахстан может оставаться существенно меньшим по ресурсам партнером и одновременно влиять на условия практической реализации сотрудничества. Для политической науки это уточняет понятие субъектности малого и среднего государства: пространство маневра формируется не только дипломатическим балансированием, но и качеством повседневных институтов, через которые регулируется трансграничное экономическое взаимодействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tjia, L. Y.-N. Kazakhstan's Leverage and Economic Diversification amid Chinese Connectivity Dreams // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. Iss. 4. P. 797–822. https://doi.org/10.1080/01436597.2022.2027237.
2. Lim, G., Tjia, L. Y.-N., Murashkin, N. Opportunities and Challenges of China's Economic Ties with Kazakhstan: Looking Back to Look Forward // The Chinese Economy. 2025. Vol. 58. Iss. 1. P. 127–140. https://doi.org/10.1080/10971475.2024.2373643.
3. Sim, L.-C., Aminjonov, F. Statecraft in the Steppes: Central Asia's Relations with China // Journal of Contemporary China. 2024. Vol. 33. Iss. 148. P. 618–633. https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2136937.
4. Kondapalli, S. Kazakh-China Relations: Balancing in Preventing Regional Domination // International Relations and International Law Journal. 2023. Vol. 101. No. 1. P. 16–22. https://doi.org/10.26577/IRILJ.2023.v101.i1.02.
5. Нечаева Е.Л., Байгондин Р.Т., Батырбаев К.М. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества Казахстана и Китая // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2023. Т. 143. № 2. С. 82–93. https://doi.org/10.32523/2616-6887/2023-143-2-82-93. EDN: FCQTHZ.
6. Sarybayev, M., Lai, Ch. Assessing China's Current Investment Projects in Kazakhstan: Opportunities and Challenges // Public Administration and Civil Service. 2024. No. 2 (89). P. 115–125. https://doi.org/10.52123/1994-2370-2024-1172.
7. Jepson, N., Baldakova, O. Chinese State Capital as a Partner for Resource-Based Structural Transformation? The Belt and Road Initiative and Downstream Linkages in Bolivia and Kazakhstan // The European Journal of Development Research. 2024. Vol. 36. No. 3. P. 718–745. https://doi.org/10.1057/s41287-024-00640-1.
8. Bitabarova, A.G. Unpacking Sino-Central Asian Engagement along the New Silk Road: A Case Study of Kazakhstan // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2018. Vol. 7. Iss. 2. P. 149–173. https://doi.org/10.1080/24761028.2018.1553226.
9. Kembayev, Z. Development of China–Kazakhstan Cooperation: Building the Silk Road of the Twenty-First Century? // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Iss. 3. P. 204–216. https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1545590.
10. North, D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
11. Keohane, R.O., Nye, J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012. 330 p.
12. Strange, S. States and Markets. London: Pinter Publishers, 1988. 263 p.
13. Pieper, M. The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia's Defensive Regionalism and China's New Silk Roads // International Politics. 2021. Vol. 58. P. 462–482. https://doi.org/10.1057/s41311-020-00244-6.
14. Golovanova, S., Rodichev, A., Zinyakov, Yu. Discrepancies in Trade Statistics in 2003–2024: The Impact of Sanctions // Economics & Politics. 2026. Early View. e70046. https://doi.org/10.1111/ecpo.70046.
15. Лу Фэн. Экономические отношения Китая и Казахстана в рамках стратегии «Один пояс – один путь» (проблемы и перспективы) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 58–77. https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.3.5. EDN: RGZJPE.

REFERENCES

1. Tjia, L. Y.-N. Kazakhstan's Leverage and Economic Diversification amid Chinese Connectivity Dreams. *Third World Quarterly*. 2022. Vol. 43. Iss. 4. P. 797–822. https://doi.org/10.1080/01436597.2022.2027237.
2. Lim, G., Tjia, L. Y.-N., Murashkin, N. Opportunities and Challenges of China's Economic Ties with Kazakhstan: Looking Back to Look Forward. *The Chinese Economy*. 2025. Vol. 58, Iss. 1. P. 127–140. https://doi.org/10.1080/10971475.2024.2373643.
3. Sim, L.-C., Aminjonov, F. Statecraft in the Steppes: Central Asia's Relations with China. *Journal of Contemporary China*. 2024. Vol. 33. Iss. 148. P. 618–633. https://doi.org/10.1080/10670564.2022.2136937.

4. Kondapalli, S. Kazakh-China Relations: Balancing in Preventing Regional Domination. *International Relations and International Law Journal*. 2023. Vol. 101. No. 1. P. 16–22. https://doi.org/10.26577/IRILJ.2023.v101.i1.02.
5. Nechayeva, Ye.L., Baigondin, R.T., Batyrbayev, K.M. Problems and Prospects of Trade and Economic Cooperation between Kazakhstan and China. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series.* 2023. Vol. 143. No. 2. P. 82–93. (In Russian). https://doi.org/10.32523/2616-6887/2023-143-2-82-93. EDN: FCQTHZ.
6. Sarybayev, M., Lai, Ch. Assessing China's Current Investment Projects in Kazakhstan: Opportunities and Challenges. *Public Administration and Civil Service*. 2024. No. 2 (89). P. 115–125. https://doi.org/10.52123/1994-2370-2024-1172.
7. Jepson, N., Baldakova, O. Chinese State Capital as a Partner for Resource-Based Structural Transformation? The Belt and Road Initiative and Downstream Linkages in Bolivia and Kazakhstan. *The European Journal of Development Research.* 2024. Vol. 36. No. 3. P. 718–745. https://doi.org/10.1057/s41287-024-00640-1.
8. Bitabarova, A.G. Unpacking Sino-Central Asian Engagement along the New Silk Road: A Case Study of Kazakhstan. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2018. Vol. 7. Iss. 2. P. 149–173. https://doi.org/10.1080/24761028.2018.1553226.
9. Kembayev, Z. Development of China–Kazakhstan Cooperation: Building the Silk Road of the Twenty-First Century? *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67. Iss. 3. P. 204–216. https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1545590.
10. North, D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
11. Keohane, R.O., Nye, J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012. 330 p.
12. Strange, S. States and Markets. London: Pinter Publishers, 1988. 263 p.
13. Pieper, M. The Linchpin of Eurasia: Kazakhstan and the Eurasian Economic Union between Russia's Defensive Regionalism and China's New Silk Roads. *International Politics*. 2021. Vol. 58. P. 462–482. https://doi.org/10.1057/s41311-020-00244-6.
14. Golovanova, S., Rodichev, A., Zinyakov, Yu. Discrepancies in Trade Statistics in 2003–2024: The Impact of Sanctions. *Economics & Politics*. 2026. Early View. e70046. https://doi.org/10.1111/ecpo.70046.
15. Lu Feng. Economic Relations between China and Kazakhstan as Part of the Strategy "One Belt – One Road" (Problems and Prospects). *Russia in the Global World.* 2023. Vol. 26. Iss. 3. P. 58–77. (In Russian). https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.3.5. EDN: RGZJPE.

Сведения об авторах / Information about authors

Лу Фэн – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: lu.f@edu.spbstu.ru
ORCID: 0009-0002-9777-520X
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Lu Feng – postgraduate student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: lu.f@edu.spbstu.ru
ORCID: 0009-0002-9777-520X
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.08.2026.
Одобрена после рецензирования 29.08.2026.
Принята 30.08.2026.

Received 28.08.2026.
Approved after reviewing 29.08.2026.
Accepted 30.08.2026.